

ВЕРА И УАНЬ



Геннадий Янчев

Геннадий Янчев

Вера и Уань

«Автор»

2025

Янчев Г.

Вера и Уань / Г. Янчев — «Автор», 2025

История студента литературной академии, которому выпало задание для ежегодного конкурса «Оживить неживое»: написать пять страниц про ржавый столб у ворот парка. Сначала это казалось бессмысленной пыткой, но постепенно столб превратился в живого героя — хранителя историй, свидетеля дружбы и перемен. Это мета-история — о том, как сюжет рождается прямо на глазах, а сам процесс становится частью повествования. Удалось ли ему оживить столб настолько, чтобы выиграть конкурс? Или важнее то, что в этой работе он оживил себя?

© Янчев Г., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Предисловие	5
Рассказ: Пять страниц	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Вера и Уань

Предисловие

Перед вами – не один, а два связанных между собой рассказа. Один – о том, как пишется история, другой – сама история, оживлённая на глазах.

Первый называется «Пять страниц» – это история о студенте литературной академии, которому выпало, казалось бы, самое скучное задание в мире: написать пять страниц о ржавом столбе у ворот парка. Он спорит, сопротивляется, злится – но постепенно этот столб становится чем-то большим. Свидетелем детства. Слушателем мыслей. Молчаливым другом. А главное – точкой, через которую он учится слышать себя.

Второй рассказ – это уже текст, который он пишет. Он называется «Ржавые стражи». И в нём – сам парк, ворота, столб, мальчишки с мячом, дворник с ведром вместо трона, влюблённые прохожие, и тайный иероглиф, что меняет всё. Это история не только о металле и скрипах, но о том, что остаётся, когда многое уходит.

И вот тут возникает самое интересное: мы не просто читаем рассказ —мы читаем, как он рождается. На глазах, с сомнениями, ошибками, вдохновением, срывами и находками. Это – мета-история, в которой процесс и результат сплетаются в единое.

Где заканчивается жизнь и начинается вымысел? Где заканчивается ученик – и начинается писатель?

И, наконец, главный вопрос остаётся до конца: удалось ли ему оживить столб настолько, чтобы выиграть конкурс?..

Или важнее то, что в этой работе он сам ожил?

Рассказ: Пять страниц

Глава 1. Ржавый Столб

Учитель медленно дописывал тему урока на доске:

«ПРЕВРАЩЕНИЕ НЕЖИВОГО В ЖИВОЕ: ПРИЁМЫ И МЕТОДЫ» – большими, неровными буквами, будто уставшими от самой учёбы.

Из рта тянулись кольца сизого дыма – как от ленивого пригородного поезда, что вечно опаздывает, но всё равно упрямо ползёт вперёд.

На подоконнике засвистел чайник. Учитель, не прерывая речь, подошёл, налил себе чаю в стакан с железным подстаканником – словно только что принёс его из того самого поезда.

Сел. Начал размешивать чай с таким стуком, что временами перекрикивал сам себя.

Аромата не чувствовалось – всё перебивал дым: терпкий, упрямый, как он сам.

Он выдохнул в сторону окна, постучал мелом по краю стола, закрутил ус – и только потом обернулся к классу:

– А вы знали, что у Толстого дуб оживает за двадцать четыре страницы?

Класс замер.

– Да-да, – продолжал он. – Один дуб. Без перестрелок, без трагедий. Просто – дуб.

Он подошёл к столу, снял с него потрёпанный том «Войны и мира». На корешке – следы кофе, на страницах – пожелтевшие края. Между листами торчала тонкая кожаная закладка – видно, лежала здесь всегда и ждала, когда он прочитает этот фрагмент новым студентам.

Учитель раскрыл книгу точно на нужной странице – даже не глядя на номер.

– Вот, вслушайтесь, – сказал он почти торжественно и начал читать, понижая голос:

« Всё вокруг было уже залито весенним светом, и только он, старый, угрюмый, стоял в стороне. Но утро за утром, день за днём – и вот, на ветках тихо проступила зелень... и он уже не мог устоять. Он был весь, с головы до корней, наполнен жизнью, радостью и силой...»

Закрыв книгу на ладони, он поднял взгляд:

– Понимаете? Это не ботаника. Это человек. Его перемена. Его прозрение. Природа здесь – зеркало души.

С задней парты раздался полушёпот:

– Ну, наверное, нужно... потише читать. А то дуб за окном услышит, встряхнётся и пешком придёт на урок.

Класс заулыбался.

Учитель хмыкнул, убирая книгу на край стола:

– Вижу, в юмор вы сил вкладываете больше, чем в творчество... – он поправил очки. – Главное, чтобы он ещё и письменную работу за вас не сдал. Хотя, возможно, для некоторых это был бы первый шанс написать что-то внятное.

Он сделал паузу, взглянул в окно и кивнул куда-то в сторону невидимого собеседника:

– Вот представьте. Сначала он – мёртвый, чёрный, как телеграфный столб после грозы. А потом – как зеленее, чем новобранец на первом построении.

Живее, чем гусар Денисов на балу после лишней рюмки. Стоит, шелестит губами, шумит ветвями...

Ой, тьфу, ну – руками. Ну вы поняли.

– Вот это и есть проза.

Когда что-то мёртвое делает свой первый вдох – с вашей первой написанной фразой.

– Ну, это же Толстой, – лениво отозвался кто-то с задней парты.

Парень в тёмной толстовке, полулежащий на стуле, с полуулыбкой.

– Ему можно.
– А вы считаете – вам нельзя? – прищурился учитель.
– Ну да. Сейчас другие времена. Про дерево никто читать не станет. Да и писать – кто будет?

Учитель посмотрел на него поверх очков:

– А если бы вы жили в XIX веке, молодой человек – тоже писали бы, как Толстой?
– Легко, – пожал тот плечами. – Главное – попасть в эпоху. А дуб – это просто дуб.
Класс хохотнул.

Учитель выдохнул, подошёл к окну.

На секунду его взгляд застыл где-то в пустоте, словно картинка на экране подвисла.

Он постучал трубкой по стакану с чаем:

– Ну что ж... раз вы у нас такие эпохальные... – усмехнулся он и кивнул в сторону улицы.

Повернулся к классу, замер, а затем, медленно, почти по слогам, произнёс:

– Кстати... о столбе.

Пауза.

– Вон тот столб видите? – сказал он, кивая трубкой и выдыхая дым в сторону окна.

Класс вытянул шеи.

– Ржавый. Одинокий. Возле ворот.

Он обернулся:

– А теперь – вопрос.

Помолчал, обвёл класс взглядом и вдруг, почти торжественно:

– Если Толстой оживил дуб за двадцать четыре страницы... то кто из вас сможет оживить столб – за пять?

Кто-то хихикнул.

Кто-то прошептал:

– Да ну, издевается...

– Между прочим, – продолжил учитель, – в нашей академии есть престижный конкурс, который мы проводим каждый год. Он называется так же, как и наш сегодняшний урок – «Оживить неживое».

– И знаете, что самое интересное? Победитель от класса выбирается не по жеребьёвке и не за лучшую работу... – он сделал паузу, прищурился и, почти издевательским тоном, добавил: – а лично учителем.

– И, знаете, у меня уже есть подозрение, кто мог бы стать претендентом...

Он пустил взгляд гулять по классу, будто тянул из барабана лотерейные шары. Только было ясно: выигрышного сегодня не попадётся.

Класс почти синхронно пригнулся – словно над головами просвистели пули.

Глава 2. Доброволец поневоле

Тишина сползла под паркет.

Казалось, весь класс затаился в окопах, как перед артобстрелом, моля: «Только не я... только не я...».

Учитель резко повернулся – не к тому, кто смеялся, а к тому, кто весь урок сидел у окна молча, с закрытой тетрадью, будто с протестом, устремлённым мыслями куда-то вдаль.

– Ты, – сказал учитель.

– Я?... – парень вздрогнул.

– Да. Напомни, твоя ведь фамилия... Горохов? – учитель прищурился, будто сверял память с реальностью.

– Ну... да.

– Значит, я не ошибся, – медленно произнёс он и, чуть кивнув, добавил: – У вас это в роду. Дар.

Класс оживился, зашуршал.

– Какой ещё дар? – пробормотал кто-то.

Учитель не ответил, только подошёл ближе и положил руки на плечи ученика:

– Вот он – наш претендент. Тот, кто напишет настоящий увлекательный роман, – и, обойдя к нему сзади, словно сопровождая в последний путь, кивнул в сторону окна.

– Про что, спросите? – сделал паузу. – Про столб.

– Не так ли? – добавил он, не дожидаясь ответа.

Парень открыл рот – но не успел.

Вот так и нужно, вступать в бой с литературой! – он приподнял брови, словно поднимая знамя. – Без оглядки назад, без предубеждений, без жалости к себе... Сгорел? Значит, шёл правильно. И желательно – в красивом слоге.

– Не бойся, смелых любит удача, – продолжал он с таким видом, будто сейчас выведет класс прямо на Бородинское поле. – Так говорил Наполеон. И всегда побеждал... но не в тот раз.

Он подошёл к окну и выглянул.

– Что ты видишь?

– Ну... улицу. Машины. Людей. Дома...

– А вон тот столб? Видишь, покосившийся?

– Да, стоит один, возле ворот.

Учитель кивнул, стукнул карандашом по стакану.

– Вот. Описать его. На пять страниц.

– Пять?... – переспросил ученик.

– Пять, – жёстко повторил учитель. – С запахом ветра. С тишиной асфальта. Чтобы читатель заплакал от жалости к этому столбу. Чтобы влюбился в его ржавчину. Понял?

Пауза.

– У тебя неделя, – добавил он, кивнув на свой стол. – Принесёшь сюда.

Прозвенел звонок.

– Урок окончен, – сказал учитель.

Вокруг зашуршали рюкзаки, захлопнулись тетради. Класс вставал, потягивался, выходил. А ученик всё ещё стоял – вкопанный, как дуб у Толстого. Не двигался. Не понимал. Казалось, даже ветер не решался тронуть листья.

Кто-то, проходя мимо, шепнул с ухмылкой:

– Удачи, гений. Не позавидуешь...

Он даже не моргнул. Лишь переспросил, будто не поверил:

– Пять страниц?..

Парень лениво направился к двери, словно выходя из зала суда, за ним – два пристава с приговором, без малейшего намёка на помилование или апелляцию.

Глава 3. Первая попытка

Прошла неделя.

Ученик вошёл в кабинет, глубоко вдохнул – будто перед прыжком с высоты – и подошёл к столу.

– Ну... что смог, то и описал, – пробормотал он, вытягивая из сумки несколько замятых листов.

Протянул их вперёд, словно на оглашении приговора у стен инквизиции.

Учитель взял рукопись.

Жуя трубку, пыхтя, пролистал: лист, второй... тишина.

– Хм, – произнёс он сдержанно, но в голос уже скрипнуло раздражение.

Карандаш в его руке ожил: стук, стук... ещё стук – резкий, нервный, порывистый.

– И что это? – поднял он глаза. – Это всё?

– Да... – тихо ответил ученик, опуская голову. – Две страницы.

– Две?! – учитель резко поднялся из-за стола. – Ты называешь это работой? Это – жалкий набросок. Эту по дороге в булочную!

Где ветер? Где запах асфальта? Где голос столба? Его одиночество? Его прошлое?

Где его брошенная миссия – стоять среди машин и равнодушных людей?!

– Там – ничего. Там нет души. Твой столб – литературный мертвец.

Ученик молчал.

– Так ты ничему не научишься... – учитель выдохнул устало. – Я сказал: пять страниц. Не две. Не ни о чём.

– Иди. У тебя ещё неделя. Но не возвращайся, пока столб не оживёт. Пока он не станет живее тебя.

Он отвернулся к окну.

– И если в этот раз там снова будет просто «столб»... – он не договорил.

Ученик кивнул и вышел.

Глава 4. Мусорка

Ученик вошёл в кабинет – замученный, с красными глазами и лицом, помятым, как черновик после пятой правки. В руках – рукопись, целых пять листов, почти реликвия.

Он протянул их, и рука дрогнула, будто отдавал не бумагу, а золото. Даром. С опаской.

– А вы... точно вернёте? – спросил он почти шёпотом, будто уже знал ответ.

Учитель не ответил сразу. Взял рукопись, взглянул на обложку, щёлкнул пальцами.

– Ну, давай-давай... О! Вижу – пять листов.

Прокрутил ус, вынул трубку изо рта и с задумчивым видом начал выстукивать ею по столу. Оставшийся табак посыпался прямо на страницы – словно он как раз искал, куда бы его стряхнуть.

– Ой, прости, – почти иронично сказал учитель. – Это ведь твоя рукопись, да?

– Да... – с дрожью в голосе подтвердил ученик.

– Ну, мне как раз нужно было, куда табак сбить. А то воняет уже – жуть...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.